

АПОНЕНКО Инна Николаевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковой подготовки ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»; ул. В. Вернадского, 9, Днепр, 49044, Украина; тел.: (050) 912 52 78; E-mail: innaaponenko738@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-1682-4218

**МОТИВ МЁРТВОГО ЖЕНИХА В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА И
А. М. РЕМИЗОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТОНИМОВ)**

Аннотация. *Цель исследования* – описать онимическое пространство литературных сказок А. С. Пушкина и А. М. Ремизова, изучить структуру и семантику собственных имен, установить особенности поэтонимов в сказках о мёртвом женихе. *Материалом изучения* послужили поэтонимы в сказочных текстах А. С. Пушкина и А. М. Ремизова. *Объектом исследования* стали сказки «Жених» Пушкина и «Ночь тёмная» Ремизова. Использованы описательный и сравнительный *методы*, а также приёмы контекстуального, семантического и этимологического анализа. В *результате* исследования были выявлены различные языковые стилистические средства писателей в сфере поэтонимии. *Практическое применение* результатов возможно в исследовании собственных имен в художественных произведениях. **Выводы:** 1) А. С. Пушкин, находясь у истоков литературной сказки, и, обращаясь именно к литературным традициям, традициям романтизма, ввёл только один сокращённый поэтоним главной героини. 2) Сюжет сказки «Ночь тёмная» А. М. Ремизова показывает ирреальность описываемых событий, что отразилось на онимном пространстве, представлен синтез поэтонимов: автор вводит собственно сказочные имена, зоонимы, использует апеллятивы, а также авторские окказионализмы и интертекстуальные связи.

Ключевые слова: мотив «мёртвый жених», сказка, собственное имя, поэтоним, структура имени, семантика, апеллятив.

Постановка проблемы. Представление о смерти тесно связано с представлениями о загробном мире. В чудесных сказочных историях смерть многообразна и своенравна, вокруг неё часто строится сюжет. Смерть на разные лады, в виде различных мотивов правит основной сказочной интригой [11].

Одним из сквозных мотивов смерти в мировой литературе является мотив мёртвого жениха: инварианты этого сюжета получили достаточно широкое распространение [10, с. 38].

Материалом исследования в данной статье послужили имена собственные в сказках А. С. Пушкина «Жених» и А. М. Ремизова «Ночь тёмная», основанных на едином сюжетном мотиве «мёртвый жених».

Связь с предыдущими исследованиями. С середины XX века особое внимание лингвистов привлекают вопросы, связанные с функционированием собственного имени в художественном произведении. Однако поэтономика русской литературной сказки в контексте антропонимической системы в соотношении со стилем автора и литературной традицией употребления имён персонажей определенной эпохи не нашла ещё полного освещения в научной литературе. В большинстве случаев имеются работы литературоведов и лингвистов, в которых внимание уделяется поэтономам в произведениях отдельных писателей или даются их общие характеристики при рассмотрении определенных периодов в развитии истории литературы. Так, к изучению мотива мёртвого жениха обращались многие исследователи-литературоведы. В фольклоре особенности сюжетов о смерти рассмотрены А. В. Малиновым: «Несмотря на разнообразие сюжетов, героев, жанров, сказки говорят об одном и том же – о смерти. Она выступает главной основой сказочного сюжета» [11, с. 167]. В монографии

В. Шмида блестяще показано, с какой виртуозностью этот мотив трансформирован у А. С. Пушкина, проводится сравнение с Г. А. Бюргером, В. А. Жуковским, В. Ирвингом. [16, 17]. Ю. В. Розанов [15] и О. В. Бувич [4] исследуют специфику изложения сказочных мотивов о смерти в «Посолони» А. Ремизова. К творчеству Ремизова обращается А. С. Жиликов [8], углубляя и систематизируя изучение природы таинственного и чудесного, а также отношение автора к романтической традиции. Е. В. Кирпичева, анализируя поэтику мотива мёртвого жениха, обращается к изучению интертекста: таких его форм как зеркальность и подтекст [10, с. 38].

В основе сюжета о женихе-мертвце лежит вера в возвращение мёртвых на землю, а также вера в то, что к этому их побуждает неутешная скорбь их близких. Мертвец является для того, чтобы наказать нарушителя его покоя. Так, сюжет о невидимом женихе, реализовавшийся в мифе о Психее и различных переложениях и подражаниях, соотносится с сюжетом о похищении жениха/невесты (миф об Орфее и Эвридике) и с сюжетом о приходе мёртвого жениха («Ленора» Г. А. Бюргера). В русском фольклоре мотив мёртвого жениха выделен в сказках о Маре Маревне [1, т. 1, № 159, с. 300], а также в сказке о разбойниках [1, т. 3, № 342, с. 41].

В основе авторских сказок А. С. Пушкина и А. М. Ремизова лежат фольклорные темы, мифологические сюжеты, а также писатели обращаются к освоению художественных богатств предшествующей литературы.

Постановка заданий исследования. Несомненный интерес представляет как исследование народнопоэтических традиций поэтонимов в сказках, так и изучение новаторских методов и приёмов авторов в этой области. Поэтому *целью* статьи является описать онимическое пространство литературных сказок А. С. Пушкина и А. М. Ремизова, объединенных мотивом мёртвого жениха. Цель определила конкретные *задачи*: изучить структуру и семантику собственных имен, установить особенности поэтонимов персонажей в сказках.

Изложение основного материала. Настоящая история литературной сказки началась в XIX веке с произведений А. С. Пушкина, который и стал первым литературным сказочником. Жанр сказки был им детально разработан, причем интерес к сказке был у писателя глубоким и давним (не случайно именно А. С. Пушкин увлёк В. А. Жуковского этим жанром) [5, с. 273].

У истоков литературных сказок Пушкина стояли баллады, столь популярные в эпоху романтизма, времени, когда писатель ступил на литературную стезю, ведь литературная эпоха накладывает свой отпечаток на все жанры, в том числе и на сказки. И именно первым опытом поэта в области жанра сказки стала сказка-баллада «Жених» (1825). Поэтому Пушкина можно по праву считать родоначальником этого жанра.

Основным источником данной сказки является русская народная сказка о девице и разбойниках («Жених-разбойник» [1, т. 3, № 342, с. 41]). Обращался А. С. Пушкин и к литературным традициям, традициям романтизма, в частности к балладам В. А. Жуковского «Светлана» и «Людмила». Свои баллады Жуковский подстраивает под определенный литературный стиль и тем самым облегчает восприятие их русским читателем. В. А. Жуковский, переводя балладу-основу «Ленора» немецкого поэта Г. А. Бюргера (1773), трансформировал её «на русскую почву», находя сюжетные и образные параллели в русском фольклоре. Мотив мёртвого жениха, представленный в «Леноре» Бюргера, бытовал в немецком фольклоре первоначально в виде песни, которая и стала родоначальницей

дальнейших прозаических вариантов данной фабулы. Что касается собственных имен, то в немецкой фольклорной песне они отсутствовали, Бюргер же назвал главную героиню *Ленорой*. В. А. Жуковский, трансформируя «Ленору», представляет нам два варианта одного сюжета, соответственно предлагает и разные поэтонимы, наделяя своих героинь известными и любимыми читателю собственными именами – *Людмила* и *Светлана*.

Сопоставительный анализ сказки А. С. Пушкина и её народного варианта на поэтонимическом уровне позволил сделать следующий вывод: в сказке-балладе «Жених» так же, как и в народной сказке, встречается лишь собственное имя главной героини, другие персонажи поэтонимами не наделены. При этом поэтоним пушкинской героини существенно отличается от народной. У Пушкина – *Наташа*: «Согласен, – говори отец, – / Ступай благополучно, / Моя **Наташа** под венец» [13, с. 596], а в народной сказке – *Алёнушка*: «Разбойник рассмотрел всё в избе, а **Алёнушка** тем временем поскорей двери заперла и огонь потушила» [1, т. 3, № 342, с. 41].

Пушкин чётко осознавал балладную природу «Жениха», в ней он использовал новеллистическую сказку и представил её как реальную бытовую историю с необычным, захватывающим сюжетом. Вследствие этого, изменены не только поэтонимы, но и их формы. Так, в народной сказке: *Алёнушка* – национальная, народная, уменьшительно-ласкательная форма поистине «сказочного поэтонима» (сравним: сестрица *Алёнушка*, *Елена Прекрасная*), в литературной: *Наташа* – сокращённая форма от *Наталья*, что характерно для романтических и сентиментальных произведений (у Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»).

Создавая сказку «Жених» в духе балладной, романтической эстетики, А. С. Пушкин «внёс» в литературу и новый жанр, жанр литературной сказки. Следовательно, это повлекло за собой и изменение собственных имен, представленных в сказочном пространстве.

Рубеж XIX–XX веков отмечен осознанием исключительной ценности народной культуры, и прежде всего живой фольклорной традиции, которая все ещё продолжала бытовать в крестьянской среде, но уже превратилась в объект серьёзного научного изучения.

Наиболее напряжённо звучит мотив мёртвого жениха в начале XX века в сказке А. М. Ремизова «Ночь тёмная» («Пёсолонь» (1907)).

Тема смерти сопряжена в культурном сознании с определённым значением, однако таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов. В своих примечаниях А. М. Ремизов указывает, что основой сказки «Ночь тёмная» послужил древний мотив живого мертвеца, восходящий к сказанию о Протоселае и Лаодамии. Греческий миф о Протоселае имеет мало общих сюжетных ходов с балладой Г. А. Бюргера, основанной на немецком фольклоре. Как пишет Ю. В. Розанов, Ремизов опирался на исследования XIX века, в которых античный миф сближался с народной легендой об умершем женихе, увозящем свою ничего не подозревающую невесту в загробный мир [15, с. 20]. Такое сближение можно объяснить только особым пиететом мифологов перед классической античностью и сильнейшим стремлением найти в славянской мифологии хоть в чём-то сходные мифологемы [15, с. 20].

Во время написания этой сказки миф о Протоселае был очень популярен в русской литературе, так или иначе обсуждался в литературных кругах и сам мифологический сюжет, и загадки, связанные с ним. Всё это провоцировало как и

поиск родственных сюжетов в русском фольклоре, так и их обработку.

А. М. Ремизов в своей сказке трансформировал мотив мёртвого жениха и соединил с мотивами русской «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» [1, т. 1, № 168, с. 331], что обогатило текст авторскими аллюзиями и ассоциативными текстами: *«В башне шёл пир <...> Бледен, как месяц, сидел за столом **Иван-царевич**. За шумом и непогодой не было слышно, сказал ли царевич хоть слово, вздохнул ли, посмотрел ли хоть раз на невесту царевну **Кончушку**. // В сердце царевны уложил ветер все её мысли. // Прошлой ночью царевне нехороший пригласился сон, но теперь не до сна, только глазки сверкают. // Ждали царевича долго, не год и не два, тёмные слухи кутали башню. <...> «Умер царевич!» А вот дождались: сам прилетел ясный сокол. Ходила **Коца** вокруг башни, подслушивала. <...> Покажется месяц, западёт в башню и бледный играет на мёртвом – на царевиче мёртвом. // Давным-давно на серебряном озере у семи колов лежит его друг, **серый Волк**, и никто к серому не приступится. Отгрызли **серому Волку** хвост, – не отнёс **серый Волк** до царевича воду! – и рядом с **Волком** в кувшинчиках нетронутая стоит живая вода и мёртвая: не придет ли кто, не выручит ли серого! А **Иван-царевич** за крепкими стенами, и никто к нему не приступится. **Ивана-царевича** – уж целая ночь прошла – за крепкими стенами повесили. <...> // **Пери да Мери, Шуды да Луды** – все шуты и шутихи в лежку валялись. **Хунды-трясучки** трясли и трепали седого **Шандыря**. Мяукала кошкой шавка от страха. <...>»* [14, с. 52-53]. Сюжет сказки «Ночь тёмная» выстраивается по принципу былички, баллады, рассказывающей о появлении мёртвого жениха в мире живых. В нём нет счастливого финала, а лишь драма в духе поэтики ужасного [4, с. 136], особенно концовка: *« “Милая, – говорит, – моя, не боишься ли ты меня?” // “Нет...” // А ночь тёмная, лошадь чёрная. // “- Ам!!!” // Съел»* [14, с. 53].

В народной сказке события неуклонно развиваются к счастливому финалу, а в сказке Ремизова, по мнению Ю. В. Розанова, происходит катастрофа уже на уровне волшебных помощников. Так, **Серый волк** умер по дороге и не смог спасти главного героя. Дело еще могла поправить **Коза**, волшебным заговором обезопасив царевну, но **ведьма Коца** отняла язык у **Козы**. Из-за несчастных случаев с **Волком** и **Козой** сказка стала сказываться по-другому: **Иван-царевич** как «живой мертвец» вернулся домой к своей невесте **Кончушке**, но только для того, чтобы увести её с собой в царство мёртвых. Ремизов с его пристальным вниманием к сказке «прочитал» в сюжете об Иване-царевиче латентно присутствующий в нём мотив «жених-мертвец» и соединил их в своем произведении [15, с. 21].

Такое комбинирование сюжетных ходов привело к синтезу сказочных поэтонимов. Автор вводит зоонимы, возводя имена нарицательные (названия самих животных) в ранг собственных (**Коза**, **серый Волк**), что характерно для фольклорных сказок. Ремизов использует и наиболее сказочную структуру «имя + приложение», что создаёт стилизацию под фольклор: **Иван-царевич**¹, **Кончушка-царевна**, **Коца-ведьма**. Так, поэтоним **Иван-царевич** ассоциируется и соотносится у читателя именно со сказками, чаще всего с народными, к тому же форма имени с приложением является сугубо сказочной, в отличие от пословиц, загадок, песен и других жанров [2, с. 16]. **Коца-ведьма** ассоциируется с мифологическим отрицательным героем **Коцеем Бессмертным**, образованным от нарицательного

---

¹ Исследователи связывают имя и образ **Ивана-царевича** с другом Ремизова по вологодской ссылке – Иваном Каляевым, который 10 мая 1905 года за стенами Шлиссельбургской крепости был повешен [3, 15].

«кость», а если глубже – с «касть», сокращённого от «капость» – пакость, мерзость, скверна, нечистое [6, т. 2, с. 95]. **Копчушка**² – персонаж заимствованный автором из известной сказки братьев Гримм «Ashenputtel», хотя само имя передается Ремизовым не в классическом переводе – *Золушка* (Ashen – зола, puttel – девочка-подросток), а иносказательно от глагола «коптеть».

Поэтонимы *Пери* да *Мери*, *Шуды* да *Луды*, *Соломина-воромина*³ [14, с. 53] относятся к так называемым парным словам, в которых второе слово остается связанным с исходной формой, меняется лишь первый звук, сравните: *каракули-маракули*, *фигли-мигли*, *шапшлык-бапшлык* и т. под.

Особыми источниками сказок Ремизова, по утверждению И. Ф. Даниловой, являются областные словари [7, с. 92]. В частности, в словаре Д. К. Зеленина встречается нарицательное имя «шандырь-бандырь» [9], которое писатель использует в качестве наименования персонажа: «**Шандырь-шептун** пускал по ветру нашенцы, сторожил, отгонял от башни злых хундов» [14, с. 51]. Сам автор объясняет это наименование в примечаниях следующим образом: **Шандырь** – колдун, это наименование встречается в детской считалке «**Шандырь-бандырь** козу гнал, немец курицу украл» [14, с. 194]. Ю. В. Розанов же считает, что в образе **Шандыря-шептун**, пускающего по ветру «нашенцы», можно видеть знакомство писателя с материалами А. А. Потебни, подтверждающими, что «ветер не только переносит весть..., но и сам есть молва, слух..., напраслина» [15, с. 19].

Выводы. Проведённое исследование показывает, что и А. С. Пушкин, и А. М. Ремизов, обращаясь к разным источникам, сохраняют фольклорный сказочный мотив «мёртвый жених». Сказочный жанр обуславливает и выбор писателями языковых стилистических средств, в особенности в сфере поэтонимии. Так, А. С. Пушкин, находясь у истоков литературной сказки, ввёл только один поэтоним главной героини – *Наташа*. Сюжет сказки «Ночь тёмная» Ремизова показывает ирреальность событий, места и времени, что отразилось на онимном пространстве: автор вводит собственно сказочные поэтонимы (*Иван-царевич*, *Коца-ведьма*, *царевна Копчушка*), зоонимы (*Волк*, *Коза*), использует апеллятивы, выполняющие функции поэтонимов (**Шандырь**), а также авторские окказионализмы (*Пери* – *Мери* и др.) и интертекстуальные связи.

Перспективы дальнейшего исследования сказочных текстов представляются нам в изучении, выявлении, описании авторских поэтонимов наряду с интертекстуальными возможностями литературных сказочных произведений.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. Москва: Наука, 1985.
2. Апоненко И. Н. Онимия как признак жанра сказки *Восточнoукраинский лингвистический сборник: сб. науч. трудов*. Донецк. 2007. Вып. 11. С. 7–20.
3. Бувеч О. В. Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь тёмная». *Вестник*

² *Копчушка* – собственное имя образовано при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -ушк-, который очень часто используется писателями в онимной игре, указывая на положительные эмоции и особое расположение к персонажу [12, с. 38].

³ Слова *Шуды-луды*, *Соломина-воромина* взяты из «Отчета о диалектологической поездке в Вятскую губернию» Д. К. Зеленина [9].

- Омского университета. 2011. № 3. С. 198–203.
4. Бувевич О. В. Сегментация сюжета как приём в книге А. М. Ремизова «Посолонь». *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2012. Вып. 2 (18). С. 131–138.
  5. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. Л. Н. Степанова. Т. 6. Москва: Худож. лит., 1953. 456 с.
  6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / репринт 1880–1882 гг. Москва: Издательство иностранных и национальных словарей, 1955–1956.
  7. Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-годы). Хельсенки: SLAVICA HELSINGIENSIA 39, 2010. 272 с.
  8. Жиликов А. С. Эстетика и поэтика таинственного в сказке А. М. Ремизова «Ночь тёмная» (сюжет о «мёртвом женихе»). *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 294. С. 7–11.
  9. Зеленин Д. К. Отчёт о диалектологической поездке в Вятскую губернию. *Сб. ОРЯС Имп. Академии наук. СПб.* 1904. Т. LXXVI. № 2.
  10. Кирпичёва Е. В. Интертекстуальность поэм А. Ахматовой «У самого моря» и «Путём вся земля». *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский ахматовский научный сборник*. 2011. Вып. 9. С. 37–47.
  11. Малинов А. В. Образ смерти в русской сказке. *Философские пробы*. URL: www.philosophy.spbu.ru/rusphil/1405/8737/7553?print (дата обращения: 18.12.2017).
  12. Мудрова Н. В. Поэтика онимной игры: монография. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2012. 144 с.
  13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. И. Париной, С. Чулкова. Т. 1. Москва: Худож. лит., 1985. 735 с.
  14. Ремизов А. Посолонь / сост. И. Ф. Данилова. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. 196 с.
  15. Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2009. 36 с.
  16. Шмид В. Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. URL: [https://www.e-reading.club/_/Shmid - Proza kak poeziya. Pushkin%2C Dostoevskiy...](https://www.e-reading.club/_/Shmid_-_Proza_kak_poeziya._Pushkin%2C_Dostoevskiy...) (дата обращения: 25.08.2016).
  17. Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-mertvogo-zheniha-v-proze-a-p-chehova> (дата обращения: 25.08.2016).

References

1. Afanasiev A. N. (1985), *Folk Russian fairy tales: in 3 vol. [Narodnye russkie skazki: v 3 t.]*, Moscow, Vol. 1, 512 p., Vol. 3, 496 p.
2. Aponenko I. N. (2007), “Onymia as a sign of the fairy-tale genre”, *East-Ukrainian linguistic collection: coll. sci. works* [“Onimija kak priznak zhanra skazki”, *Vostochnoukrainskij lingvisticheskij sbornik : sb. nauch. trudov*], . Issue 11, Donetsk, pp. 7–20.
3. Buevich O. V. (2011), “Genre originality of the fairy tale by A. M. Remizov «The Dark Night»”, *Bulletin of Omsk University* [“Zhanrovoe svoeobrazie skazki A. M. Remizova” «Noch' tjomnaja». *Vestnik Omskogo universiteta*], № 3, p. 198–203.
4. Buevich O. V. (2012), “Segmentation of the plot as a method in the book by A. M. Remizov «Posolon»”, *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology* [“Segmentacija sjuzheta kak prijom v knige A. M. Remizova «Posolon'»”, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*], Issue 2 (18), pp. 131–138.
5. Gogol N. V. (1953), *Collected works: in 6 volumes [Sobranie sochinenij : v 6 t.]*, Vol. 6, Moscow, 456 p.
6. Dahl V. I. (1955), *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes [Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t.]*, Moscow, Vol. 2. 780 p. ; Vol. 4. 684 p.

7. Danilova I. (2010), *Literary tale by A. M. Remizov (1900 – 1920 years)* [Literaturnaja skazka A. M. Remizova (1900 – 1920-gody.], Helsenki, 272 p.
8. Zhilyakov A. S. (2007), “Aesthetics and poetics of mysterious in the tale by A. M. Remizov «The Dark Night» (the plot of the «dead groom»)”, *Bulletin of Tomsk State University* [“Jestetika i pojetika tainstvennogo v skazke A. M. Remizova «Noch' tjomnaja» (sjuzhet o «mjortvom zhenihe»)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*], № 294. pp.7–11.
9. Zelenin D. K. (1904), “Report on the dialectological trip to Vyatka province”, *Sat. ORYaS Imp. Academy of Sciences* [“Otchjot o dialektologicheskoy poezdke v Vjatskuju guberniju”, *Sb. ORJaiS Imp. Akademii nauk*], Vol. LXXVI, № 2, St. Petersburg.
10. Kirpicheva E. V. (2011), “Intertextuality of poems by A. Akhmatova "«Near the Sea» and «The Way of All the Earth»”, *Anna Akhmatova: era, destiny, creativity: Crimean Akhmatova's scientific collection* [“Intertekstual'nost' pojem A. Ahmatovoj «U samogo morja» i «Putjom vseja zemli»”, *Anna Ahmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo: Krymskij ahmatovskij nauchnyj sbornik*], Issue. 9, pp. 37–47.
11. Malinov A. V. The image of the death in a Russian fairy tale. *Philosophical tests* [“Obraz smerti v russkoj skazke”, *Filosofskie proby*], available at: www.philosophy.spbu.ru/rusphil/1405/8737/7553?print
12. Mudrova N. V. (2012), *Poetics of onymy game: monograph* [Pojetika onimnoj igry: monografija], Kiev, 144 p.
13. Pushkin A. S. *Collection of works: in 3 vol. [Sobranie sochinenij: v 3 t.]*, Vol. 1, Moscow, 735 p.
14. Remizov A. (1996), *Posolon'* [Posolon'], St. Petersburg, 196 p.
15. Rozanov Yu. V. (2009), *Folkloreism of A. M Remizova: sources, genesis, poetics: abstract thesis.....doctor philol. sciences [Fol'klorizm A. M. Remizova: istochniki, genezis, pojetika: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk]*, Veliky Novgorod, 36 p.
16. Schmid V. (1994), *Prose as Poetry: Articles about narration in the Russian literature* [Proza kak poezija: Stat'i o povestvovanii v russkoj literature], St. Petersburg, available at: <https://www.e-reading.club/.../Shmid - Proza kak poeziya. Pushkin%2C Dostoevskiy...>
17. Schmid V. (1998), *Prose as Poetry. Pushkin. Dostoevsky. Chekhov. The Vanguard* [Proza kak poezija. Pushkin. Dostoevskij. Chehov. Avangard], St. Petersburg, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-mertvogo-zheniha-v-proze-a-p-chehova>

АПОНЕНКО Інна Миколаївка

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри мовної підготовки ДЗ
«Дніпропетровська медична академія МОЗ України»; вул. В. Вернадського, 9, Дніпро, 49044, Україна;
тел.: (050) 912 52 78; E-mail: innaaponenko738@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-1682-4218

МОТИВ МЕРТВОГО НАРЕЧЕНОГО В КАЗКАХ О. С. ПУШКІНА ТА О. М. РЕМІЗОВА (на матеріалі поетонімів)

Анотація. *Метою дослідження* є опис онімічного простору літературних казок О. С. Пушкіна та О. М. Ремізова, вивчення структури та семантики власних імен, встановлення особливостей поетонімів у казках. *Матеріалом дослідження* слугували поетоніми в текстах казок О. С. Пушкіна та О. М. Ремізова. *Об'єктом* стали казки «Наречений» Пушкіна та «Ніч темна» Ремізова. Використано описовий та порівняльний *методи*, а також прийоми контекстуального, семантичного й етимологічного аналізу. У *результаті* дослідження було виявлено різноманітні мовностилістичні засоби письменників у галузі поетонімії. *Галузь застосування результатів* можлива в дослідженнях власних імен у художніх текстах. **Висновки:** 1) О. С. Пушкін, знаходячись у джерел літературної казки, і, звертаючись саме до літературних традицій, традицій романтизму, ввів лише один скорочений поетонім головної героїні. 2) Сюжет казки «Ніч темна» О. М. Ремізова демонструє ірреальність зображуваних подій, що знайшло відображення в онімічному просторі, представлено синтез поетонімів: письменник вводить власне казкові імена, зооніми, використовує апелятиви, а також авторські оказіоналізми та інтертекстуальні зв'язки.

Ключові слова: мотив «мертвий наречений», казка, власне ім'я, поетонім, структура імені,

APONENKO Inna

Ph. D. in Philological Sciences, senior lecturer of the Language competence department, The public office «Dnipropetrovsk medical academy of the Ukrainian Ministry of Health»; V. Vernadskiy street, 9, Dnipro, 49044, Ukraine; tel.: (050) 912 52 78; E-mail: innaaponenko738@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-1682-4218

**MOTIVE OF A DEAD GROOM IN THE TALES BY A. S. PUSHKIN AND A. M. REMIZOV
(on the basis of poethonyms)**

Annotation. The *goal* is to describe the onymical space of A. Pushkin and A. Remizov's literary fairy tales, to study the structure and semantics of proper names, to establish the features of poetonims in fairy tales. The *material of the study* were the poetonims in the fairy-tale texts by A. S. Pushkin and A. M. Remizov. The *object* of the study was the fairy tale «The Groom» by Pushkin and «The Dark Night» by Remizov. Descriptive and comparative *methods* are used, as well as methods of contextual, semantic and etymological analysis. As *a result* of the research, various language stylistic means of writers in the field of poetry were revealed. *The practical value* of the results is possible in the investigations of the proper names in fiction. **Conclusions:** 1) A. S. Pushkin, being at the origins of a literary tale, and referring specifically to literary traditions, the traditions of romanticism, introduced only one shortened poetonim of the main character. 2) The plot of the fairy tale «The Dark Night» by A. M. Remizov shows the unreality of the events described, which reflected on the onym space, the synthesis of poetonims is presented: the author introduces the proper fairy tale names, zoonims, uses appellatives, as well as authorial occasionalisms and intertextual links.

Key words: *motive about the dead groom, fairy tale, proper name, poetonim, name structure, semantics, appellative.*